

ОТЗЫВ

**на диссертацию Ковели Валерия Валерьевича
«М.Н. Тихомиров и его научное наследие: развитие научных
концепций и влияние политико-идеологического фактора»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и
методы исторического исследования**

М.Н. Тихомиров является одним из самых известных отечественных историков XX века, научное наследие которого оказало огромное влияние на развитие историографии, а его ученики успешно продолжили дело учителя. В этой связи обращение к изучению жизни и научного творчества ученого является актуальным не только с точки зрения необходимости реконструкции прошлого исторической науки, но и понимания ее современного состояния и перспектив развития. Кроме того, в последние годы наблюдается устойчивый интерес к изучению истории исторической науки через призму биографий ученых, оставивших в ней заметный след, и предлагаемое исследование вполне вписывается в данную тенденцию.

Актуальность темы диссертационного исследования не вызывает сомнений и обусловлена уже упоминавшейся выдающейся ролью М.Н. Тихомирова в развитии отечественной историографии. В то же время имеющихся исследований об историке явно недостаточно для полноценной реконструкции его жизни и творчества. Многие архивные документы, связанные с М.Н. Тихомировым, не введены в научный оборот и остаются неизвестными широкой научной общественности.

Для решения поставленных в диссертации задач В.В. Ковеля выбрал жанр «интеллектуальной биографии», позволивший применить к исследованию жизни и научного творчества М.Н. Тихомирова целый

комплекс подходов и методов. Работа разбита на три главы: «Жизненные и научные ориентиры в становлении М.Н. Тихомирова как историка: от позитивизма к марксизму», «М.Н. Тихомиров и власть в 1940-начале 1950-х годов: идейные перелом и вынужденная эволюция взглядов историка» и «Последние годы жизни М.Н. Тихомирова: широкое признание и попытка пересмотра прежних взглядов». Предложенная структура позволяет вписать творчество историка в историко-культурный и научный контекст эпохи, а также тесно увязать эволюцию исторических взглядов с особенностями его биографии.

Во введении предлагается историографический обзор литературы по жизни и творчеству М.Н. Тихомирова, позволяющий наглядно увидеть степень изученности темы. Впечатляет источниковая база диссертационной работы, включающая как опубликованные, так и архивные материалы. Соискатель провел работу по поиску источников в Архиве Российской академии наук (РАН), Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) и Архиве Московского государственного университета. Разумеется, архивные документы, связанные с М.Н. Тихомировым, на этом не исчерпываются, но собранный материал позволяет успешно решить поставленные задачи.

Основой исследования стал личный фонд историка, хранящийся в Архиве РАН. Особый интерес вызывают до сих пор неопубликованные дневники и воспоминания М.Н. Тихомирова. В.В. Ковеля в своей работе делает упор на воспоминания историка, считая их более информативными по сравнению с дневниками. Представляется, что в этом есть определенное упущение, поскольку в дневниковых записях относительно оперативно фиксировались факты жизни историка, отражались оценки, сделанные «здесь и сейчас», а не постфактум. В любом случае, работа В.В. Ковеля наглядно демонстрирует, что скорейшая публикация дневников и воспоминаний М.Н. Тихомирова – насущная задача в изучении истории советской исторической науки.

В.В. Ковеля активно привлекал в своем исследовании многочисленные опубликованные дневники и мемуары историков. К сожалению, вне поля зрения оказались воспоминания археолога и этнолога М.Г. Рабиновича (Рабинович М.Г. записки советского интеллектуала (М., 2005)), знавшего М.Н. Тихомирова с детства и учившегося у него еще в школе, где тот преподавал географию. Впоследствии М.Н. Тихомиров был его научным руководителем. Кроме того, вне поля зрения автора диссертации оказались воспоминания филолога С.Б. Бернштейна и историка Н.И. Павленко, дающие ряд интересных фактов, связанных с жизнью и деятельностью ученого.

В первой главе рассматривается жизнь М.Н. Тихомирова и его становление как профессионального историка. В.В. Ковеля подробно реконструирует фактическую сторону данного отрезка жизни ученого. Обращение к архивным материалам позволило уточнить ряд неточностей, бытовавших в имевшихся биографических очерках. Кроме того, соискатель проявил себя квалифицированным источниковедом. Это наглядно демонстрирует, например, анализ первой работы молодого М.Н. Тихомирова о Псковском восстании 1650 г. В.В. Ковеля, мобилизовав все известные источники и факты, выявил редактора первой публикации М.Н. Тихомирова, коим оказался его однокашник по университету В.К. Никольский. Оценивая мировоззрение будущего историка, В.В. Ковеля посчитал, что по косвенным данным мы, скорее всего, вправе отнести его к консерваторам.

Автор убедительно показывает, что самое большое влияние на молодого М.Н. Тихомирова оказал его университетский преподаватель С.В. Бахрушин. Немалую роль в становлении молодого историка сыграл специалист по древнерусской литературе В.Н. Перец, с которым он работал в Самаре. В диссертации убедительно демонстрируется, что на данном этапе своей научной биографии М.Н. Тихомиров придерживался традиций дореволюционной исторической науки, оставаясь на позитивистских позициях. В то же время представляется, что констатацию его позитивистских предпочтений следовало дополнить уточнением о том, о

какой форме позитивизма идет речь. Дело в том, что позитивизм к началу XX в. прошел в своем развитии существенную эволюцию, интегрируя в себя элементы различных теоретико-методологических направлений. Так, в диссертации прекрасно показано, что М.Н. Тихомиров при анализе Псковского мятежа 1650 г. пытался понять психологию восставших, создать их «коллективный психологический портрет» (С. 54). Такой поворот в исследовании выходит за рамки классического позитивизма. Стоит отметить, что интерес к психологии масс наблюдается у целого ряда российских историков начала XX века.

Отдельный параграф посвящен историко-географическим и краеведческим работам 1920-х гг. В.В. Ковеля проанализировал не только концептуальную сторону этих трудов, но и рассмотрел их как показатель совершенствования историком навыков владения исследовательской техникой и освоения новой проблематики. Тем самым читатель получил возможность увидеть творческую лабораторию М.Н. Тихомирова. В данном параграфе показано, что целый ряд положений его трудов был продолжением не только традиций дореволюционной историографии, но и являлся рецепцией ряда идей историков, считавшихся марксистами – М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова (С.66, 95-96). Поэтому слишком категорично звучит утверждение автора, кстати противоречащее его же предыдущим выводам: «В рассмотренных работах нет признаков принятия автором марксистской методологии» (С. 71). Представляется, что в ситуации, когда официального «марксистского канона» еще не сформировалось, рецепция терминологии и концепций М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова, признаваемых властью и научной общественностью историками-марксистами, все же является показателем стремления молодого историка вписаться в «марксизацию» исторической науки. В этой связи вызывает сомнение и утверждение о том, что освоение марксизма М.Н. Тихомировым приходится на 1930-е гг. и связано это с последствиями т.н. «Академического дела».

Вообще, следовало бы четко прописать, а что, с точки зрения соискателя, можно считать признаками принятия марксизма.

Большой интерес представляет параграф, посвященный карьере М.Н. Тихомирова в 1930-е гг. Подробно разбираются события, связанные с «Академическим делом», и их место в жизни ученого. Автор задается вопросом о том, почему историк, попавший в поле зрения органов и прошедший допросы, не был арестован. Он выдвигает два взаимосвязанных предположения: невысокий статус М.Н. Тихомирова как начинающего историка делал его малоинтересным для следователей, что позволило его брату, Борису Николаевичу, сделавшему к тому времени успешную карьеру, заступиться за него. Первое легко опровергается, если вспомнить состав арестованных по делу, по итогам которого, наоборот, самые молодые подследственные как раз и получали самое серьезное наказание. Достаточно вспомнить Л.В. Черепнина и Б.А. Романова. А вот второе предположение отбрасывать нельзя, поскольку оно не противоречит особенностям функционирования советского общества эпохи «большого перелома», когда слабость институтов компенсировалась неформальными практиками, в том числе и патронажем. Старший брат, имевший связи с влиятельными партфункционерами, вполне мог выступить в роли патрона своего ближайшего родственника. Впрочем, пока все это остается на уровне предположений. В этой связи было бы любопытно подробнее изучить взаимоотношение двух братьев. Не менее интересным направлением исследований мог бы стать сравнительный анализ стратегий адаптации и выживания в советской действительности начинающих историков, в значительной степени идентифицирующих себя с дореволюционной научной традицией. Возможно, это бы пролило свет и на историю с, казалось бы, нелогичным приглашением М.Н. Тихомирова на исторический факультет МГУ в 1934 г. В.В. Ковеля видит в этом протекцию со стороны не только брата, но и набравшего силу Б.Д. Грекова. Впрочем, здесь стоит вспомнить, что, согласно воспоминаниям М.Г. Рабиновича (учившегося во второй

половине 1930-х гг. на истфаке МГУ) университетская профессура, в особенности С.В. Бахрушин, противились попаданию Б.Д. Грекова на истфак. Исходя из этого, «руку» Б.Д. Грекова в этом деле можно поставить под сомнение.

Вторая глава показывает научный путь историка в 1940-е-начале 50-х годов, которые, с одной стороны, являются периодом его наивысшей творческой активности, а с другой, очень непростым временем в жизни. В центре внимания соискателя оказываются идеологические кампании того времени (в особенности кампании по борьбе с объективизмом, а затем и космополитизмом) и их влияние на М.Н. Тихомирова. На широком источниковом материале, преимущественно архивном, В.В. Ковеля показывает тяжелый удар по науке, нанесенный идеологическими проработками. По его наблюдениям, именно кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом» стала определяющим событием, толкнувшим ученого к приспособлению к идеологическим требованиям. К сожалению, в описании данного периода в биографии ученого В.В. Ковеля не задействованы дневниковые записи М.Н. Тихомирова, которые добавляют интересные штрихи и позволяют полнее представить реакцию ученого на события.

В.В. Ковеля не ограничивается указанием на вынужденный характер приспособления М.Н. Тихомирова к советскому историографическому мейнстриму. Автор указывает и на внутренние причины этого. Так, историку импонировал патриотический поворот советской идеологии, начавшийся еще в середине 1930-х гг. и окончательно свершившийся в послевоенное время. Антиноormanистские взгляды ученого, его монография по истории древнерусских городов, историографические работы и т.д. прекрасно вписывались в основные тенденции позднесталинской исторической политики. Не случайно (на что указывается и в диссертации) труды М.Н. Тихомирова фактически дополняли официально признанную концепцию Б.Д. Грекова. Таким образом, на примере М.Н. Тихомирова можно увидеть всю сложность и противоречивость процесса встраивания исторической науки в

советскую идеологическую систему, основанного не только на насилии, но и, отчасти, на совпадении интересов власти и ученых. Но конечно же М.Н. Тихомиров не был конъюнктурщиком, поэтому в эти годы в его научном творчестве намечалось все большее обращение к идеологически нейтральным темам, связанным с источниковедением и археографией.

Последняя глава посвящена жизни и научной деятельности М.Н. Тихомирова в годы «оттепели». Именно в это время наблюдается стремление историка скорректировать ряд положений, выдвинутых им под идеологическим давлением. Этому немало способствовало и укрепление статуса ученого, избранного в 1953 г. академиком АН СССР. В последней главе подробно и квалифицировано проанализированы труды историка 1950-60-х гг. В.В. Ковеля прекрасно показывает особенности его работ этого времени, в которых одновременно обнаруживается заметное влияние идеологии, и в то же время можно наблюдать стремление историка скорректировать тенденциозные положения, имевшиеся в его более ранних трудах 1940-х гг. Большой интерес представляет разбор соискателем рукописи неопубликованной биографии Ивана Грозного, написанной, по датировке В.В. Ковеля, не ранее весны 1963 г. Работа очень удачно вписана в историографический контекст.

Помимо указанных выше замечаний и пожеланий отдельно приходится указать и на ряд упущений соискателя:

1. Не использованы монография Л.А. Сидоровой «Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков» (М., 2008) и коллективная монография «Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / Под ред. В.П. Корзун» (М., 2011), в которых М.Н. Тихомиров неоднократно упоминается.

2. На стр. 144 упоминается статья «Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода» и указывается, что она написана неизвестным автором. Между тем, известно, что одним из ее авторов являлся Л.В. Черепнин (См.: Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Т. 1. М., 2015. С. 305). Этот факт, в том числе, являлся причиной напряженных отношений между историками.
3. Воспоминания и дневники историков в списке источников и литературы следовало бы выделить в отдельную категорию, а не вносить их в список как «историографические источники». Это обусловлено и более широким значением источников личного происхождения, не ограничивающимся только историографической тематикой, да и спорностью самого выделения такого понятия, как «историографический источник».

Несмотря на это, можно констатировать, что В.В. Ковеля подготовил высококачественное историографическое исследование жизни и творчества М.Н. Тихомирова. Таким образом, диссертационное исследование В.В. Ковеля «М.Н. Тихомиров и его научное наследие: развитие научных концепций и влияние политико-идеологического фактора» представляет собой ценное и самостоятельное научное исследование, написанное хорошим языком. Многие выводы и наблюдения автора могут быть использованы при подготовке обобщающих курсов по отечественной историографии.

Работа соответствует требованиям п. 9. «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, и является научной квалификационной работой, в которой автором решена научная проблема, имеющая значение для изучения истории исторической науки. Представленная работа полностью соответствует всем требованиям ВАК, предъявляемым к диссертациям на степень кандидата исторических наук. Автореферат соответствует содержанию диссертации. Валерий Валерьевич

Ковеля, без сомнения, заслуживает присуждения степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра «Историческая наука России»
ФГБУН Института российской истории
Российской академии наук

В.В. Тихонов

20 декабря 2016 г.
117036, г. Москва
ул. Дм. Ульянова, д. 19
(499)723 69 16; e-mail iriran@mail.ru

В. В. Тихонова
Подпись _____ удостоверяю
Начальник отдела кадров Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской академии наук
Тихонова
«20» декабря 2016 г.